

енное время». Это было связано, по мнению автора, с восстановлением исторического образования и его престижа: «Хлынула волна студентов, для которых образование часто было не целью, а средством достижения материальных благ, социальным лифтом и драйвером в карьере».

Давая такую нелицеприятную характеристику, автор подчеркнул, что «новый социальный тип отличался как от дореволюционной интеллигенции, так и от поколения Октябрьской революции». Идеализм первых двух — «служение науке» «старой» интеллигенции и бескорыстное «служение строительству нового общества» первых историков-марксистов — он противопоставил практицизму «интеллигентов новой формации». Среди присущих последним черт — недостаточный уровень образования, «догматизм и активность в поиске идеологических ошибок других», «нацеленность на карьеру». И далее: «Их социальной средой было крестьянство и городской пролетариат. Правильное происхождение позволяло легко пройти через сито отбора в университеты и аспирантуру, где зачастую происходило соревнование не ума и таланта, а анкетных данных. Многие были из провинции, а провинциалы, как известно, народ цепкий». Имеет свои недостатки и предложенная Тихоновым группировка историков первой половины XX в. Так, часть учёных из числа «красной профессуры», которых не затронули репрессии конца 1930-х гг. (в монографии сказано, что «уцелели те, кто лучше лавировал и приспособлялся» (с. 72)), фактически оказались причислены к «интеллигенции новой формации». Представляется, что суждения такого рода должны быть строго доказательными и подкрепляться достоверной источниковой базой.

В целом исследование получилось живым и интересным. Рассмотрены многие важные, но до сих пор в значительной степени скрытые стороны жизни исторического сообщества середины XX в. Автор старался передать её хитросплетения, в которых присутствовали наука, идеология, амбиции, индивидуальности и многое другое, что в совокупности и образует живую ткань повседневности и отражается на исследовательской деятельности. Не со всеми суждениями и выводами можно согласиться (хотя сама возможность их полемического восприятия очень ценна), но предложенное решение поставленных проблем заслуживает внимания.

### **Михаил Базанов: Принципиально новая концептуальная картина**

*Mikhail Bazanov (United State Archive of Chelyabinsk Region): Fundamentally new conceptual picture*

**DOI:** 10.31857/S086956870005919-1

Список исследований, посвящённых кампании по борьбе с космополитизмом в исторической науке, в настоящий момент насчитывает уже десятки (если не свыше сотни) наименований. Этой темы неизбежно касались те, писал об этой кампании в целом<sup>31</sup> или отдельных её эпизодах<sup>32</sup>, о состоянии историче-

<sup>31</sup> См., например: Сонин А.С. Борьба с космополитизмом в советской науке.

<sup>32</sup> См., например: Корзун В.П., Колеватов Д.М. «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна в социокультурном контексте эпохи // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 20. М., 2007. С. 24—62; Шаханов А.Н. Борьба с «объективизмом» и «космополитизмом» в со-

ской науки в послевоенный период<sup>33</sup>. Однако само обилие подобной литературы уже ставит вопрос о необходимости системного изучения послевоенных идеологических кампаний в исторической науке как самостоятельного, целостного феномена. Увы, такие работы в историографии отсутствовали. Полагаю, определённый «стимулирующий эффект» должно было возыметь и появление документального исследования П.А. Дружинина, повествующего об идеологических кампаниях в среде учёных-филологов<sup>34</sup>.

Собственно, обсуждаемая нами монография и представляет собой ответ на этот запрос, сформировавшийся за последние 30 лет — время, когда стало возможным свободно рассуждать о репрессивном давлении власти на науку. И ответ получился основательный и качественный. Для того чтобы дать представление о масштабе проделанной работы, достаточно просто перечислить учреждения, чья протокольная документация и материалы их партийных органов были задействованы: Институт истории АН СССР, Институт истории материальной культуры и их Ленинградские отделения, Московский государственный университет, Московский государственный историко-архивный институт, Высшая партийная школа, Ленинградский государственный университет. Помимо протоколов и стенограмм привлечена масса научных работ, воспоминаний, дневников, писем. Значительная часть архивных материалов вводится в научный оборот впервые.

Несложно заметить, что практически все эти источники — с определённой, впрочем, долей допущений — относятся к числу так называемых эго-документов<sup>35</sup>. Полагаю, этот факт объясним не только характером событий и особенностями их документальной фиксации, но и тем углом зрения, под которым автор предлагает посмотреть на своих персонажей.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление. Советская история исторической науки в своём конкретно-историческом воплощении оказалась сведена к составлению реферативных обзоров исследований, посвящённых определённой теме (событию, автору или историческому периоду)<sup>36</sup>. Это по-

---

ветской исторической науке: «Русская историография» Н.Л. Рубинштейна // История и историки. 2004. М., 2005. С. 186—207; и др.

<sup>33</sup> Дубровский А.М. Историк и власть: историческая наука в СССР и концепция истории феодальной России в контексте политики и идеологии (1930—1950-е годы). Брянск, 2005; Трансформация образа советской исторической науки...; и др.

<sup>34</sup> Дружинин П.А. Идеология и филология. Ленинград, 1940-е годы...

<sup>35</sup> О понятии эго-документа см.: Бондарь И.А. Эго-текст и эго-документ в литературном процессе // Известия высших учебных заведений. Сер. Полиграфия и издательское дело. 2013. № 6. С. 107—115; Зарецкий Ю. Новые подходы к изучению свидетельств о себе в европейских исследованиях последних лет // Автор, биография, письмо и чтение / Ред.-сост. Ю.В. Зарецкий, В.П. Лихачёв, А.Ю. Зарецкая. М., 2013. С. 24—41; Суржикова Н.В. Эго-документы: интеллектуальная мода или осознанная необходимость? // История в эго-документах. Исследования и источники. Екатеринбург, 2014. С. 6—13. Необходимо отметить, что, несмотря на заложенный в данном термине исследовательский потенциал, в конкретно-исторических исследованиях его зачастую употребляют в качестве синонима понятия «источник личного происхождения», тем самым фактически дискредитируя его. К рассматриваемой монографии данное замечание не относится.

<sup>36</sup> В то же время создавались и теоретические статьи о необходимости уделять больше внимания аналитическим процедурам, предлагавшие расширить предметное поле и источниковую базу историографических исследований. Так, например, стоит отметить чрезвычайно любопытную, но оставшуюся без должного внимания попытку ввести в оборот новый термин: Кертман Л.Е. Понятие «историографическая ситуация» и его методологическое значение // Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1987. С. 106—108.

ложение начало стремительно меняться после обновления методологической базы в 1990-х гг. Наибольшее влияние на историографические исследования оказали наработки таких направлений, как историческая антропология и интеллектуальная история. Ученые заговорили об «историографическом быте»<sup>37</sup> и «историографических эпохах»<sup>38</sup>, «профессорской культуре»<sup>39</sup>. Кардинальный сдвиг произошёл в понимании предмета исследования, фокус зрения сместился с готового продукта (историческое знание) на процесс его производства. Это означает необходимость проникновения во «внутренний мир» изучаемых персонажей, изучение их переживаний, системы ценностей, сквозь призму которой они оценивали окружающий мир, выявление моделей поведения в их среде. В настоящее время работы, основанные исключительно на реферативном пересказе предшествующей исторической литературы («проблемная историография») сообществом историографов воспринимаются уже как курьёз или атавизм (если, конечно, речь идёт о самостоятельном исследовании, а не о соответствующем разделе в историческом труде)<sup>40</sup>.

Монография В.В. Тихонова полностью укладывается в эту, уже давно обогнавшуюся, тенденцию. Однако автор пошёл дальше своих коллег в одном — признании за средой историков права считаться активным субъектом историографического процесса, а не пассивным объектом манипуляций со стороны власти. Уточню: он не первый, кто заявил таковую точку зрения<sup>41</sup>, однако ни одна из известных нам работ не была столь же радикальна в стремлении про-

<sup>37</sup> *Троицкий Ю.Л.* Историографический быт эпохи как проблема // *Культура и интеллигенция России в эпоху модернизаций (XVIII—XX вв.). Материалы II всероссийской научной конференции. Т. II: Российская культура: модернизационные опыты и судьбы научных сообществ.* Омск, 1995. С. 164—165; *Алеврас Н.Н.* Что такое «историографический быт»: из опыта разработки и внедрения историографической дефиниции // *Историческая наука сегодня: теории, методы, перспективы.* М., 2011. С. 516—534; *Алеврас Н.Н.* Историографическое знание и проблема историографического быта: смысл и происхождение научной категории // *Вестник Челябинского государственного университета.* 2012. № 22. Сер. Философия. Социология. Культурология. Вып. 27. С. 79—85.

<sup>38</sup> *Юдин А.В.* «Историографические эпохи» в истории изучения античности // *Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории.* Вып. 28. М., 2009. С. 240—262; *Крих С.Б.* О «брите Оккама» в современной историографии: по поводу «историографических эпох» А.В. Юдина // *Диалог со временем...* Вып. 34. М., 2011. С. 356—377; *Юдин А.В.* Ещё раз о вопросах периодизации истории антиковедения: по поводу рецензии С.Б. Криха // *Диалог со временем...* Вып. 34. С. 378—387.

<sup>39</sup> См.: *Корзун В.П.* Профессорская семья. Отец и сын Лаппо-Данилевские. Омск, 2011; *Волюшина В.Ю., Корзун В.П.* Эмигрантский период жизни А.А. Кизеветтера в оптике «профессорской культуры» // *Диалог со временем...* Вып. 58. М., 2017. С. 39—70.

<sup>40</sup> См., например, дискуссию о методологических основаниях современных историографических исследований: *Крих С.Б., Метель О.В.* Две парадигмы в современной отечественной историографии // *Вопросы истории.* 2014. № 1. С. 159—166; *Базанов М.А.* Две «парадигмы» и предметное поле историографических исследований: запоздалый ответ С.Б. Криху и О.В. Метель // *Историческая экспертиза.* 2015. № 2. С. 55—63; *Крих С.Б., Метель О.В.* Снова о двух парадигмах: предварительный ответ М.А. Базанову // *Историческая экспертиза.* 2016. № 1. С. 195—199; *Исаев Д.П.* К вопросу о парадигмах в историографии (по поводу одной дискуссии) // *Новое прошлое / The New Past.* 2017. № 2. С. 92—104; *Крих С.Б., Метель О.В.* Парадигмы или подходы? Ответ Д.П. Исаеву // *Новое прошлое / The New Past.* 2018. № 1. С. 120—132; *Антощенко А.В.* Зачем изучать историографию? // *Мавродинские чтения 2018: Материалы всероссийской научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения профессора Владимира Васильевича Мавродина.* СПб., 2018. С. 560—564.

<sup>41</sup> См., например: *Бычков С.П., Свешников А.В.* Проблема феномена советской историографии // *Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзуна.* Омск, 2005. С. 299—307.

демонстрировать возможность сопротивления давлению «сверху». При этом отмечу, что делается это в книге не на примере отдельных ярких казусов, а на основе большого массива подобных фактов.

Взгляд автора на события антикосмополитической кампании основывается на идее исследовательницы социальной истории послевоенного советского общества Е.Ю. Зубковой о том, что во второй половине 1940-х гг. «место формального контроля... занял самоконтроль и неформальный контроль со стороны малых социальных групп»<sup>42</sup>. Часть монографии, посвящённая предпосылкам кампании, демонстрирует разнородность социальной среды историков (с. 36—61, 68—101). Одна из самых любопытных и плодотворных находок Тихонова — идея о научных кланах как основной единице внутрикорпоративного деления, своего рода первичных клетках, из которых состоит научное сообщество. Автор смог на конкретном эмпирическом материале продемонстрировать бытование этого социального явления и особенности его функционирования, вывел разговоры о нём за пределы «кулуарных бесед» и превратил во вполне адекватный инструмент историографического анализа. Мощное воздействие межклановой борьбы показывают приводимые в книге факты, в особенности ход кампании на историческом факультете МГУ (с. 171—176, 199—214) и в среде археологов (с. 183—189, 254—256).

Ещё одна важная черта монографии — отказ от виктимизации профессионального сообщества. Тихонов не ограничивается простой констатацией того, что значительная часть учёных приняла активное участие в проработочных кампаниях. Он идёт дальше и ставит невероятный, на первый взгляд, вопрос о возможности противодействия репрессивному давлению государства. Для развернувшейся кампании, помимо инициативы «сверху», требовалось наличие активистов, готовых её подхватить, требовать суровых кар для указанных жертв и расширять список «оступившихся». Однако в тех случаях, когда корпорация демонстрировала единство, стремилась погасить возможные конфликты, кампания затухала. Фактически оказалась провалена борьба с «буржуазным объективизмом», масштабы и последствия которой навряд ли отвечали задачам мобилизации научной среды (с. 131—189). Ничем окончились попытки провести идеологическую кампанию в среде археологов — и это при существовании двух явных лидеров, претендовавших на роль главы профессионального сообщества (с. 183—189, 254—256). На историческом факультете МГУ «даже активные партийные историки, вроде Анпилогова, уклонялись от проработок», так как «участвовать в погроме без видимых дивидендов лично для себя энтузиастов не нашлось» (с. 173). Впрочем, эта ситуация быстро изменилась благодаря вражде кланов И.И. Минца и А.Л. Сидорова.

Проанализированы и способы уклонения от участия в «проработке» коллеге. Самый экстравагантный — критика и поиск ошибок в работах... умерших учёных. Так, Н.М. Дружинин одно из своих выступлений посвятил «космополитизму» П.Я. Чадаева. Другие уводили разговор с ошибок отдельных исследователей на ошибки всего коллектива, ограждая себя и коллег, стремились квалифицировать написанное ими в качестве простых «ошибок» (а не «идеологических диверсий»). Простейшей и самой распространённой линией поведения стало стремление ограничиться «мишенями», уже обозначенными партий-

---

<sup>42</sup> Зубкова Е.Ю. Послевоенное общество: политика и повседневность. 1945—1953. М., 1999. С. 22. В рассматриваемой книге цитата воспроизводится на с. 71.

ным начальством. Отмечалась неявка на заседания со ссылкой на проблемы со здоровьем (с. 267—268).

Жертвы кампаний отнюдь не превращались в «неприкасаемых», чья судьба решена раз и навсегда. Их попытки оправдаться не всегда влекли за собой неизбежную кару за проявление строптивости. Более того, иные, попав «под огонь критики», не торопились каяться и признавать ошибки. Так, Е.Н. Городецкий, оказавшийся в центре проработок в МГУ и Высшей партийной школе из-за близости к опальному клану Минца, занял позицию активной обороны, отвергнув предъявленные ему обвинения (с. 209, 224—225, 244—250). Несмотря на это, он не лишился работы, хотя после произошедшего долго не имел возможности опубликовать свои труды.

Представляется важным указать следующее: защита себя и своего доброго имени являлась не прерогативой романтических одиночек-самоубийц, но вполне прагматичной линией поведения. На помощь со стороны сообщества после «проработки» могли надеяться даже те, кто не обладал значительным «научным капиталом». Иллюстрация тому — биография С.А. Фейгиной, которая после проработок в 1949 г. продолжала работать в Институте истории, а в 1953 г. вышла на пенсию (с. 271—176). «Неповоротливая бюрократическая система всегда даст новый шанс даже самой последней жертве», — заключает автор (с. 276). Впрочем, надо отметить, что этот случай — единственный подобный в книге.

Всё сказанное возвращает к вопросу об ответственности за происходящее самих историков. Исследование Тихонова показывает, сколь разнообразна «серая зона» между принятием происходящего и сопротивлением ему, сколь много существовало моделей поведения, направленных на торможение идеологических кампаний. В свою очередь, признание самой возможности затушить запланированную акцию означает более высокую степень ответственности её участников. Под таким углом зрения любой отказ от сопротивления может рассматриваться не просто как проявление бессилия, но и как пассивное соучастие (пусть и имевшее место в атмосфере психологического давления). «Активисты» проработок видятся не просто «первыми учениками» («Дракон» Е.Л. Шварца), исполнителями злой воли партийных чиновников, но одной из движущих сил всего процесса. В таком случае спрос с них уже иной.

Однако означает ли это, что Тихонов полностью перекладывает вину за произошедшее с государственных и партийных структур на самих историков? Конечно же, нет. В «Заключении» он подчёркивает: «Именно им (сталинским режимом. — М.Б.) была сформирована среда, готовая отозваться на призыв к погромам. А главное, без этого призыва многочисленные конфликты могли тлеть многие годы и разрешаться иными средствами и способами» (с. 376).

Неписанные традиции составления рецензий и отзывов предполагают, что помимо ценности и достоинств рассматриваемого труда следует перечислить положения и выводы, представляющиеся ошибочными или спорными, требующие более обстоятельной аргументации. Конечно же, подобные суждения в монографии присутствуют. Например, помимо собственно идеологических кампаний автор в качестве самостоятельного феномена выделяет и «идеологические дискуссии». Однако сам же пишет, что «отличие идеологических дискуссий от кампаний довольно зыбко, и эти критерии сложно формализовать» (с. 284). Узкая профессиональная сфера охвата, сохранение атрибутов научной

полемики, меньшая степень идеологизации — довольно размытые характеристики, недостаточные для чёткой верификации явления. Встаёт вопрос, как отличить идеологическую дискуссию от простой научной полемики, ведь речь идёт о гуманитарных науках, традиционно отличающихся большей (в сравнении с науками точными) степенью политической ангажированности. Полагаю, введение данного термина в научный оборот потребует разработки более обстоятельного набора характеристик описываемого им явления.

Можно, конечно же, указать и на иные спорные суждения, однако они относятся к частным деталям авторской концепции. В основе своей созданная Тихоновым картина взаимоотношений учёных и власти в ближайшее время останется непоколебимой.

Любая капитальная научная монография всегда ставит перед читателем вопрос: какими путями должны в дальнейшем двигаться коллеги автора? Возможно ли внести что-то новое в разработанную им тему? Увы или к счастью, но книга Тихонова надолго «закрыла» тему послевоенных идеологических кампаний в исторической науке. Конечно, ничто не мешает появлению работ, заполняющих лакуны, «белые пятна» в эмпирической базе монографии, либо пересматривающих отдельные детали конкретно-исторических построений её автора. Однако появление работ, содержащих попытки концептуальных обобщений, маловероятно. Значимых прорывов в ближайшее время ожидать не имеет смысла.

Выход из создавшегося положения видится мне в двух направлениях. Так, возможно «подключить» к изучению материала новые методологические и методические подходы. В качестве примера следует назвать использование контент-анализа для изучения текста протоколов проработочных кампаний<sup>43</sup>. Но наиболее продуктивным представляется иной путь, направленный на расширение изучаемого предмета. Как уже отмечалось, книга основана на материалах архивов Москвы и Санкт-Петербурга, события в крупных региональных научных центрах в ней не рассматриваются. В то же время сам автор признаёт, что их изучение «даёт крайне интересные результаты, заметно отличающиеся от столичных» (с. 7)<sup>44</sup>. С учётом того, что большая часть историков жила и работала именно в провинциальных научных заведениях, изучение данного материала вполне может привести к кардинальному пересмотру существующих концептуальных построений.

В целом, В.В. Тихонов создал принципиально новую концептуальную картину развёртывания послевоенных идеологических кампаний в исторической науке. Исходя из представления о корпоративной среде учёных как активном субъекте событий, он продемонстрировал, посредством каких страте-

---

<sup>43</sup> Сворцов А.М., Мировщикова А.А. Борьба с космополитизмом в советском антиковедении: дело С.Я. Лурье (опыт использования метода формализованного анализа документов) // История, память, идентичность: теоретические основания и исследовательские практики. Материалы международной научной конференции / Под ред. О.В. Воробьёвой, О.Б. Леонтьевой, С.И. Маловичко, М.Ф. Румянцевой. М., 2016. С. 357—361.

<sup>44</sup> Замечу, что в других своих работах автор неоднократно предпринимал попытки выйти за рамки подобного «москвоцентричного» подхода: Тихонов В.В. Дискуссия о советизации казахского аула 1946—47 годов // Історіографічні дослідження в Україні. Вип. 24. Київ, 2014. С. 267—280; Тихонов В.В. Советские историки и переосмысление национальных историй в последнее сталинское десятилетие // Советские нации и национальная политика в 1920—1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10—12 октября 2013 г. М., 2014. С. 238—246.

гий поведения возможно было погасить воздействие кампании, а посредством каких — активизировать. Следствием такого угла зрения стал последовательный отказ от виктимизации корпорации историков, возложение на неё части вины за произошедшее. Большой объём задействованного материала говорит об адекватности и обоснованности сделанных выводов. Российская историография пополнилась капитальной работой, интеллектуальные построения которой будут сохранять актуальность ещё долгое время.